
УКАЖИ МНЕ ПУТЬ
Стася Мэл

Тёмные тропы

Стася Мэл

Укажи мне путь

«Издательство АСТ»
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мэл С.

Укажи мне путь / С. Мэл — «Издательство АСТ», 2026 — (Тёмные тропы)

ISBN 978-5-17-176236-0

Добро пожаловать в мистический Петербург, где усопшие не всегда уходят насовсем. Иногда души мертвых возвращаются, и никому не известно, станут ли они монстрами, одержимыми жаждой убийства. Виктор и Женя могут видеть мертвых, а Гриша — уже мертв. Им придется распутать клубок зловещих тайн, столкнуться с тьмой и сразиться с чудовищами, таящимися не только на улицах ночного города, но и в душе каждого из них.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-176236-0

© Мэл С., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Часть 1. Видящие 6
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 22
Глава 5 31
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Стася Мэл
Укажи мне путь

© ООО «Издательство АСТ», 2026
© Стася Мэл, текст, 2026
© Екатерина Скворцова (kaskva), иллюстрация на обложке, 2026
© Jon-T, внутренние иллюстрации, 2026
© Karma Virtanen, внутреннее оформление, 2026

* * *

Часть 1. Видящие

Глава 1

Осень всегда преследовала его ощущением чего-то нового: как точка отсчета, начало пути. Наверное, уместнее такие чувства весной, когда пахнет талым снегом, а не сухой травой, когда звучит песня капели, а не шепот опавшей листвы. Но Виктор чувствовал обновление именно осенью. Оно входило в него с первыми прохладными вечерами, чернильными сумерками и беспокойными криками скворцов, готовящихся к отлету.

Вик поправил рюкзак, дернув плечом, и легко сбежал по ступенькам. Утро раскинулось перед ним во всем золотом великолепии: в лужах плясали солнечные зайчики, блестели умытые дождем листья тополей, небо сияло синевой. А главное – вокруг никого. Безлюдная улица наполняла сердце Виктора спокойствием, почти безмятежностью.

Потому что тогда не нужно было притворяться.

Но аллея закончилась, и напряжение, вечный его спутник, вернулось. Виктор нырнул в плотную толпу, спешащую к метро. Подземку он считал персональным адом – не пустая даже в неурочный час, она была еще и местом, где шансы расстаться с жизнью возрастали. Привычно сдержав дрожь, Вик шагнул на эскалатор и тут же достал из кармана смартфон – свой спасательный круг.

Перед глазами только светящийся экран и ничего больше.

Скроллить ленту соцсетей, изредка задерживаясь на какой-нибудь картинке с остроумной подписью, проверять, не прислал ли староста группы что-нибудь важное в общий чат, – рутина успокаивала и расслабляла. Виктор усмехнулся забавному комментарию к расписанию, хотел было ответить, но что-то пихнуло его в плечо. Толчок оказался столь сильным, что смарт-

фон едва не вылетел из рук. Нахал, даже не потрудившийся извиниться, быстро спускался вниз. Провожая взглядом его спину, Вик заметил работника метрополитена, тот стоял в самом низу эскалатора за будкой дежурного: бледное и изможденное лицо, руки и форменный комбез испачканы черно-бурым… В груди противно похолодело, руки задрожали, и Виктор быстро перевел взгляд на первое, что попалось, – на розовые волосы девушки, что стояла тремя ступеньками ниже. Он смотрел на них, пока руки не перестали дрожать. Долгий спуск как раз подошел к концу, и Вик сошел с эскалатора, едва скользнув взглядом по низу будки. Мазутных штанов и грязных ботинок работника рядом не оказалось. «Ушел», – облегченно подумал Вик и больше не поднимал глаза от экрана телефона. Он не любил допускать одну и ту же ошибку дважды.

* * *

Женя Скворцова вышла из метро и растерянно огляделась: всю первую неделю занятия шли в одном корпусе, но на второй наконец-то утвердили расписание и почти половину пар перенесли в другое здание. Теперь она стояла около светофора на незнакомой улице и изучала приложение с картой города. Оно показывало только длинную дорогу – в полчаса, а до начала занятий оставалось всего двадцать минут. Женя слышала, что дворами можно добраться и за десять, но как? Пришлось открыть сообщение одногруппницы и перечитать его еще раз: «Сначала в арку, потом три двора прямо, в четвертом налево, еще три двора, а там, как выйдешь, повернешь направо и поймешь, куда надо. Увидимся!» Понятнее не стало. Женя почувствовала, как задрожали губы. Опаздывать на «Введение в специальность», о преподавателе которого ходили истории одна страшнее другой, не хотелось совершенно! Женя еще раз огляделась, внимательнее изучила все пять арок в длинном здании через дорогу. «В какую из них пойдет больше всего студентов, та и нужна!» – решила она для себя.

– Вик! Эй, Коскинен! – Чей-то рюкзак больно толкнул под локоть. – Ой, прости!

Женя молча посторонилась, хотя незнакомец уже обогнал ее. Виком оказался парень, которого лучше всего описывали два слова – стильный красавчик. От золотисто-рыжей макушки до носков черных кед. Он явно следил за внешностью: волосы в эдаком художественно-изящном беспорядке, кожа чистая, одежда подобрана со вкусом, подчеркивает широкие плечи и узкие бедра. В зал, что ли, ходит? И улыбка – белозубая, открытая, такая искренняя, но такая… фальшивая. Женя подняла взгляд и поняла, что парень тоже на нее смотрит: голубые глаза искрились весельем, но на самом их дне жила тень. Лжи? Страха? Чего ему бояться, такому чистому-красивому-уверенному? Весь его вид как бы говорил: «Я успешный. Я свой. Я нормальный». Чувствуя, как предательский румянец загорается на щеках, Женя надменно приподняла подбородок и отвернулась. Она не доверяла тем, кто так откровенно пытался это самое доверие вызвать.

* * *

Пары летели одна за другой, Виктор оглянуться не успел, как настало время длинного перерыва – почти час на то, чтобы поесть и отдохнуть. Идти в вузовскую столовую не хотелось, поэтому Вик решил отколоться от группы и отправиться в маленькую и дешевую кафешку неподалеку. Но обед в одиночестве ему не грозил, уже на выходе из университета за Виком увязались Андрей и Ольга – одногруппники.

– Ты не против, если мы присоединимся? – с легкой улыбкой поинтересовалась Ольга, а сама уже взяла его под руку, окутывая приторным ароматом духов.

Обычно Виктор был только за: общение с живыми людьми всегда приятно. Если сосредоточен на собеседниках, то уже не смотришь по сторонам, а если не смотришь по сторонам,

то не увидишь того, чего не должен. Но сегодня был тот редкий момент, когда хотелось одиночества, Вик то и дело вспоминал ту девчонку, что видел утром: ее розовая макушка отвлекла его в метро, а румяные щеки повеселили чуть позже. Ему запомнились ее глаза – серьезные и удивительного светло-серого оттенка. Девчонка выглядела потерянной и одинокой, и он хотел подбодрить ее, улыбнувшись, но прием не сработал. Нечасто от него отворачивались с таким пренебрежением, это интриговало.

– Вик! Ты меня совсем не слушаешь! – Оля слегка сжала пальцы, царапая наманикюренными ноготками черную кожу куртки.

– Прости-прости! – Виктор открыл дверь в кафе, галантно пропуская одногруппницу вперед. – Говоришь, Татьяна Федоровна не будет в конце года семинары вести? А почему?

– В декрет уйдет, ну! О-о, смотрите, новое меню! Ну-ка-а…

Пока Оля зависла, читая обновленные позиции, Андрей скользнул к кассе, и администратор приветливо улыбнулась:

– Добрый день! Что будете сегодня?

Студенческая столовая хоть и была дешевле, но по вкусу блюд явно проигрывала, так что Вик, Андрей, Ольга и многие другие уже стали завсегдатаями этого места, пусть и небольшого, зато двухэтажного и с террасой, на которой было так приятно сидеть в солнечную и теплую погоду.

– Блюдо дня, пожалуйста. Я наверху!

Скорость, с которой Андрей озвучил свой выбор и расплатился, удивила и кассира, и Виктора – едва раздался звук печати чека, как одногруппник поспешил наверх.

– Что это с ним? – нахмурился Вик, поворачиваясь к Ольге.

Ее смущенная улыбка говорила сама за себя. Она опять не взяла с собой ни карту, ни наличку, и эта ее хитрость уже в печенках сидела! Вик искренне не понимал, почему Оля просто не попросит ее угостить?!

– Я заплачу, заказывай, – раздраженнее, чем хотелось бы, сказал он.

– Ты просто прелесть! – Ольга бесцеремонно чмокнула его в щеку и радостно зачирикала, диктуя заказ.

Когда она упорхнула вслед за Андреем, администратор бросила на Виктора сочувственный взгляд, и он едва заметно пожал плечами в ответ. Досада еще тлела в груди, но такова была цена. Нужно заплатить за кого-то? Конечно. Нужно помочь? Он не откажет. Он улыбнется, он поддержит, он не оттолкнет. Но и на шею сесть не позволит. Тогда люди будут уважать его, тянуться к нему, окружать его, защищать его.

В ожидании заказа Вик, вопреки своему обыкновению, смотрел не на собеседников, а на улицу. Ситуация с заказом окончательно испортила ему настроение, но показывать этого он не хотел, притворяясь не раздраженным, а задумчивым. Наблюдение за спешащими по своим делам людьми отлично в этом помогало. Солнце плескалось в окнах, заливало прозрачным светом и террасу, и тротуар, но окна крытой галереи на той стороне оставались затененными и отражали всех, кто шел мимо. Именно в эту витрину Вик и вглядывался. Над городом плыл аромат прогретого асфальта, по-летнему одетые отражения двигались по темной глади: вот, например, женщина в белом платье. Но женщина прошла, а ее отражение осталось. Оно медленно повернулось, и стало видно его лицо. Серое, с растрескавшейся кожей и черными сгнившими губами, раскрытыми в беззвучном вопле. Глаз у чудовища не было – лишь пустые провалы на их месте.

Заполошно забилось сердце, но Виктор как можно безразличнее проскользил взглядом дальше по витрине, к дороге. Ровно дышать едва получалось, хотелось с криком броситься прочь, наплевав на все – на Андрея и Ольгу, на заказ, на реакцию окружающих.

Но нельзя. Нельзя.

Нельзя, чтобы монстр понял, что Вик его заметил. Иначе вся жизнь рухнет в пропасть.

– Ты побледнел. Все хорошо?

– Абсолютно. – Голос прозвучал весело и ровно, но улыбка не удалась.

Виктору казалось, что его мышцы превратились в пластилин. Пальцы дрожали. Монстр заметил его? Нет?

И если заметил…

«Нет! – твердо сказал себе Виктор. – Все хорошо! Я не один, я с друзьями, я защищен».

Он посмотрел вниз и столкнулся взглядом с молодым мужчиной. Отросшие русые волосы спускались до скул, а загорелые руки покрывали шрамы. Наверняка и плечи тоже, но их скрывала черная футболка. Мужчина нахмурился, словно что-то в Викторе привлекло его внимание, но что – неясно; посмотрел на витрину, потом снова на Виктора, прищурился.

Больше играть с ним в гляделки Вик не захотел. Достаточно и того, что уже случилось – если его не заметил монстр, то наверняка заметил этот мужик. Оба варианта могли привести к катастрофе. Особенно если мужик из Указателей…

* * *

Дни дежурств Денис любил: он не гонялся за фантомами, игнорировал призраков, а переродившиеся, или переродки, как еще их называли, встречались прямо посреди улицы не то чтобы часто. Получалась почти прогулка по нескольким кварталам, только и надо, что по сторонам смотреть повнимательнее. Денис смотрел: мимо спешили люди, шумели авто, ветер гулял по осенним улицам, принося с собой запахи горячего асфальта, выхлопных газов, кофе и пирожков из ларька на перекрестке. Обычный день. Спокойный день. Денис такие любил, но почему-то именно сегодня спокойствия не чувствовал – тревога касалась холодными пальцами основания шеи и поднималась колючим комком от желудка. Ощущение появилось, едва он вышел из метро и направился по своему маршруту, и усилилось в тот момент, когда его обогнала женщина в белом платье с открытыми плечами. Симпатичная, надо сказать, она прошла мимо, обдав легким древесным ароматом, и затерялась в толпе, а Денис остановился, потому что ему показалось, что ее отражение замерло в витрине, обратившись уродливым чудовищем. Такое иногда случалось – некоторые переродившиеся прятались в зеркальных поверхностях, выслеживая жертв, и витрины, и окна, и даже лужи могли таить в себе опасность. Денис шагнул вперед, но чудовищное лицо с провалами черноты вместо глаз пропало – заметила его и спряталась? Заметила кого-то еще? Встречались монстры, которые могли скрываться от дара Указателей так, что приходилось полагаться только на обычные человеческие чувства. Денис покрутил головой, но людской поток безучастно тек мимо, не обращая внимания ни на что вокруг, и тогда Денис поднял голову и столкнулся взглядом с парнишкой. Тот сидел на открытой веранде второго этажа, и золотисто-рыжие волосы только подчеркивали его бледность и яркость голубых глаз с расширенными зрачками. «Интересно, – хмыкнул про себя Денис, посмотрел на витрину, потом снова на парнишку, прищурился. – Рыжий не так-то прост, хм?» Сделав зарубочку на память, Денис поспешил дальше, теперь уделяя особое внимание отражающим поверхностям – если ему не показалось, то его ждет работа, ради которой он был рожден.

Работа Указателя.

Глава 2

Утро у Жени не задалось: она проспала, забыла зонт, попала под дождь, не взяла с собой перекус и теперь сидела голодная. Пара тянулась бесконечной ириской, Женя скучала. Лектором по системам искусственного интеллекта оказалась бабушка-одуванчик. Она блеяла что-то с кафедры тонким голоском, и Женя с трудом сдерживала зевоту, уже не пытаясь следить за лекцией. Куда интереснее было смотреть в окно: закатный час расцветил небо пурпурным и розовым, облил золотым макушки берез. На одной из них как раз замерла худенькая мальчишеская фигурка. Женя нахмурилась, гадая, как же подросток туда забрался и почему никто его не остановил. Она хотела было привлечь внимание к опасной ситуации, но разглядела одежду ловкача. Старомодные брюки, белая рубашка, распахнутый на груди жилет… Упади он с этой березы, *ему* ничего не сделается!

Словно заметив, что за ним наблюдают, мальчишка поднял руку и помахал. Женя в ответ усмехнулась и перевела взгляд на часы: до конца пары оставалось полчаса. Одна радость – это последнее занятие на сегодня. После него она собиралась максимально быстро добраться до дома и наконец-то поесть! В ответ на ее мысли желудок издал протяжный и тоскливый «У-р-р». С парты впереди тут же послышались смешки.

– Хочешь, я убью их? – Шеи коснулось прохладное, почти невесомое дыхание, и руки тотчас покрылись мурашками. Когда-то давно Женя вздрагивала, когда он так делал, но потом привыкла.

Она едва заметно качнула головой, отказываясь от столь щедрого, но жестокого предложения.

– Точно?

Она кивнула, тут же притворившись, что словам лектора в такт. Выглядело это нелепо, и в аудитории зазвенел искренний смех. Другие студенты его не слышали, но ей было все равно, Женя улыбнулась и чуть развернулась так, чтобы видеть своего друга.

Единственного. Самого близкого и дорогого. И плевать, что мертвого!

Она знала его с шести лет. С того самого момента, как свалилась в подвал полуразрушенного особняка. Женя не помнила, зачем она вообще пришла к зданию, над забитой входной дверью которого висели две таблички. Первая – «Осторожно, аварийное состояние! Опасно для жизни!», а вторая – «Внимание! Объект архитектурно-исторического наследия». Но зато помнила, что после того, как не увидела ничего в замочную скважину, пошла искать другой вход. И нашла.

Залезла через подвальное окно, царапая руки о холодный камень, и оказалась в темном грязном помещении. Больше всего оно напоминало кухню: по центру – покрытая пылью дореволюционная плита, железный камин поодаль, какие-то банки, кадки, черная сажа и прогнившая крышка погреба, на которую Женя наступила.

Когда она очнулась, то рядом с ней на корточках сидел мальчишка. Он был так красив, что показался ей каким-то высшим, волшебным существом! Темные, слегка вьющиеся волосы, большие синие глаза в обрамлении длинных ресниц, точеные скулы и бескровные губы на бледном лице.

– Ты ангел?

Мальчик удивленно моргнул.

– Ты меня не боишься? – Голос его прозвучал надломленно и хрипло.

Женя отрицательно покачала головой, продолжая восхищенно его рассматривать.

– А что это? – Она указала на синяки на его горле.

Мальчишка отшатнулся, рука его дернулась прикрыть увечье, но тонкие музыкальные пальцы не смогли стянуть воротник рубашки.

– Я не ангел, – выдохнул он. – Я мертвец.

– А почему ты тут?

– Призраки привязаны к месту смерти.

– Глупости! – со свойственной детству категоричностью заявила Женя. – Пойдем, я уведу тебя отсюда!

И увела. С тех пор они не расставались. Теперь ей было восемнадцать, а Григорию все так же четырнадцать, и она чувствовала себя виноватой за то, что могла взрослеть, могла чувствовать, а он – нет.

– Ты погрустнела. – Гриша заглянул Жене в глаза, и меж его бровей пролегла обеспокоенная складка.

Отвечать она не стала, вместо этого постучала ногтем по часам, показывая, что до конца пары осталась всего минута.

– Подожду на улице, – с этими словами призрак поднялся со стула рядом и направился прочь, пройдя сквозь стену.

* * *

Виктор шел по парку, наслаждаясь его спокойствием и тихим шепотом крон. Солнце скрылось, но осенние сумерки разгонял теплый свет фонарей. Воздух был влажным после дождя, на дорожках блестели лужи. Пару раз он не отказал себе в удовольствии наступить в воду, разбивая дрожащее отражение деревьев и неба. Настроение оставалось прекрасным, несмотря на длинный день. Вик устал, но за сегодня он не увидел никого, кого не должно было быть среди живых. Ни одной души! Редкая удача! В такие моменты ему хотелось поверить, что он вообще их не видит.

Виктор свернул на узкую дорожку и почувствовал, как что-то изменилось. Ощущение было странным, но таким сильным и резким, что волоски на руках встали дыбом, а вокруг будто бы потемнело. Дернув плечами, Вик упрямо пошел дальше: конечно потемнело, здесь фонари реже стояли! И все же… Каждый шаг отдавался холодком в солнечном сплетении, с каждым шагом тени вокруг будто бы сгущались, и обвинять во всем городское освещение становилось все сложнее. Виктор уже собрался повернуть назад, как заметил впереди невысокую фигурку, которую тут же узнал по розовой шевелюре. Девчонка съежилась около лавочки, закрывая голову руками, а над ней нависала…

«Нет, нет, нет! – Вверх по позвоночнику пополз льдистый ужас, а мир сузился – его будто бы стерли по краям черным ластиком. – Только не это!»

Рядом с девчонкой застыла фигура в белом платье, с серой растрескавшейся кожей. Даже не видя ее лица, Виктор знал – это та самая. Вчерашняя. Со сгнившими губами и пустыми глазницами. И она пришла забрать чью-то жизнь.

Вик сделал бесшумный шаг назад, потом второй, третий, но никак не мог отвести глаза от ужасной картины. Монстр издал шипящий стон и склонился еще ниже. Девчонка заскулила от ужаса, и Виктор увидел, как побелели ее тонкие пальчики.

Четвертый шаг.

«Только бы оно меня не заметило! Только бы не заметило!» – Одна и та же мысль билась вместе с пульсом все быстрее и быстрее.

Девчонка повернула голову, и Виктор понял, что пятого шага не будет. Если он уйдет сейчас, то отнятая жизнь будет на его совести, а эти глаза, полные безумной надежды… он просто не сможет забыть их. Забыть свою слабость и трусость.

Первый шаг дался Вику с трудом, второй легче, третий еще легче, а на четвертом он побежал. Побежал навстречу монстру из ночных кошмаров и своей судьбе, даже не зная, что будет делать, когда добежит.

* * *

– Отец…

О-о-о, этот виноватый тон! По его оттенкам становилось ясно, насколько большой проступок совершил сын: разбил машину, попался с травкой, проститутка вытащила кошелек, пока он лежал в пьяном угаре. Однако такого голоса Петр Игоревич от своего первенца еще не слышал. Дрожащего, жалкого, испуганного.

Он сдвинул брови, отчего стоящий перед ним юнец – двадцать пять всего-то! – задрожал, словно щенок, над которым занесли палку.

– Я не хотел… – проскулил Александр.

– К сути! – отрывисто бросил Петр и посмотрел на часы, золотой браслет свободно охватывал тонкое жилистое запястье.

До звонка губернатора оставалось восемнадцать минут, не хватало еще все это время слушать блеяние непутевого мальчишки.

– Я… – Александр запнулся и побледнел, будто слова застряли у него во рту, но одного взгляда хватило, чтобы он выпалил: – Я убил девушку!

На остром и желчном лице Петра Игоревича промелькнуло удивление. По мнению Гарешко-старшего, Александр был бесхребетной мямлей. Сколько усилий потрачено, чтобы воспитать из него настоящего мужчину: сильного, решительного, готового идти по головам ради своей цели, – ничего не получилось. «Сашенька», как называла сына жена, оставался слабым и ведомым. И приносил больше проблем, чем пользы.

– Какая-то шлюха?

Гарешко-младший медленно повернул голову вправо-влево, плечи его вздрогнули.

– Как это случилось?

– Я… мы… просто хотели развлечься…

Щека Петра дернулась, он кинул быстрый взгляд на правую кисть. На ней не хватало мизинца. Он не понаслышке знал, какими мстительными тварями могут быть женщины. Особенно после смерти.

– Пошел прочь.

На бледных щеках сына выступили красные пятна, будто его отхлестали по лицу; губы приоткрылись, может, с них готова была сорваться мольба или ругань, но он не произнес ни того ни другого. Просто развернулся и вышел. А Петр откинулся на спинку кресла. Гладкая коричневая кожа обивки скользнула по шрамам на затылке, вызвав противную дрожь…

…А ведь он даже не убивал ту девушку, не говоря уже о групповом изнасиловании! Просто бросил, когда подвернулась возможность сойтись с другой – дочь областного прокурора более перспективная партия для будущего чиновника. А бывшая… Как-нибудь переживет. Не она первая, не она последняя, кто остался без мужика, но с пузом. Петр думал, что большой беды не будет – поплачет да успокоится. Но Аля не успокоилась, а упокоилась, шагнув под поезд. А потом вернулась: злее самого лютого зверя, страшнее самого жуткого ночного кошмара.

Он до сих пор помнил ее искореженную фигуру. Она передвигалась на руках и ногах, как какое-то мерзкое насекомое, огромный живот выпирал вверх, голова вывернулась так, что лицо оказалось перевернутым. Ее милое, нежное лицо с розовыми губами. Тогда, увидев Петра, она улыбнулась, показав мелкие и острые зубки. Они-то и оставили его без мизинца, с изорванным затылком. Петр считал, что легко отделался. Ведь он остался жив, а Указатель, который явился в тот момент, когда Аля готовилась оторвать бывшему возлюбленному голову, – нет.

Зазвонил телефон. Петр провел ладонью по лицу, стирая липкую паутину воспоминаний, и потянулся к трубке, стоило сосредоточиться на работе, а уже потом заняться поиском того, кто избавит «Сашеньку» от последствий его забав, вышедших из-под контроля.

* * *

Рюкзак с хрустом впечатался в голову чудовища, от чего та дернулась. Переродившаяся душа повернулась к Виктору и зашипела, в черной бездне ее глазниц зажглись алые угольки.

– Беги! – крикнул Вик, но Женя и сама знала, что делать. Едва монстр отвлекся, как она на коленях поползла ему за спину, а удалившись на приличное расстояние, остановилась и поднялась на ноги.

Теперь страшилище стояло между ними, поворачивая морду то к одному, то к другому, и не знало, на кого напасть первым. Едва оно делало шаг к Виктору или к Жене, как один из них отвлекал его внимание на себя. «Чего она не убегает?!» Сам Вик так бы и поступил, выпади ему шанс. Но девчонка явно считала, что это будет нечестно и неблагородно. Поэтому стояла, сжав кулаки.

Переродившейся первой надоело топтаться на месте. Она сделала выбор в пользу Виктора, после чего, уже не отвлекаясь на крик Жени, кинулась к нему. Вик совершил ошибку – посмотрел душе в глаза, и тело его неожиданно стало тяжелым, руки безвольно повисли вдоль туловища, а ноги подкосились. Словно со стороны он наблюдал, как падает, а монстр летит к нему в длинном прыжке.

«Мне крышка… – Мысль всплыла, словно пузырек воздуха со дна глубокого пруда. – Так глупо…»

– Гриша! Гри-и-иша!

«Какая звонкая… – вяло подумал Вик. Он не почувствовал ничего, когда упал и ободрал щеку о гравий. – Интересно, кого она зовет? Уж точно не меня…»

Перед глазами появились черные старомодные ботинки. Они мелькнули и пропали, а следом в животе разорвалась бомба боли. Чувства разом обрушились на Виктора. Он задохнулся и дернулся, ощущая, как снова куда-то летит, теперь уже в сторону. Полет остановила живая изгородь. Забарахтавшись и обдирая ладони о колючие ветки шиповника, он вывалился из кустов и с трудом приподнялся.

На том месте, где Вик только что лежал, словно безвольный куль с мясным подношением для кровожадной твари, схлестнулись уже два монстра. Напавший на девчонку и еще один. Виктор потрясенно наблюдал, как хрупкий подросток ухватил за горло первое чудовище и приподнял над землей. Руки незнакомца были чернее сажи, кисти вытянутые, а ногти переходили в длинные и острые когти.

– Думала, от меня так просто избавиться? – прорычал он, лицо его исказилось: скулы заострились еще больше, а клыки удлинились так, что мешали закрыть рот.

Второй монстр только и мог, что скрести ногтями и извиваться, пытаясь освободиться.

– Никто. Не. Смеет. Трогать. Мою. Женю, – цедил чудовищный подросток. – Помоги!

Виктор опешил. Кому это он? Но ответ пришел быстро: до монстров добежала девчонка, которую он пытался спасти. Ее розовые волосы растрепались, щеки блестели от слез, но в глазах больше не было ужаса. Она уверенным жестом положила ладони на спину пойманного монстра и прикрыла глаза.

Хрустнуло. Переродившаяся в руках подростка обмякла, перестав дергаться. Он разжал пальцы, и чудовище мешком рухнуло на дорожку. Миг, и ее серая кожа окуталась серебристой сетью, а после тело развеялось пылью.

– Спасибо, что помог Жене. – Мальчишка подошел к Виктору и протянул совершенно нормальную, не черную и не когтистую руку.

Вик посмотрел на нее с сомнением, а потом поднялся самостоятельно. Подросток склонил голову к плечу, и по его тонким бескровным губам скользнула усмешка.

– Значит, ты тоже видишь души?!

Она вся лучилась удивлением и радостью, ни презрения, как тогда, когда он впервые ей улыбнулся, ни мольбы в глазах, еще минуту назад полных слез. Она вообще нормальная? Конечно, видящие редкость, но найти их не так-то и сложно – Указатели всех собирают в своем Интернате. Или она… сама по себе? Впрочем, какая разница, что не так с этой дурной девчонкой, если вся жизнь Вика, которую он так старательно выстраивал и оберегал, пошла трещинами…

– Нет, – буркнул он, чувствуя, как скрипит на зубах песок – не то дорожки, не то его раскрошившегося секрета. – Я видел только монстра, а монстра может увидеть любой.

Десять лет Вик отводил глаза, смотрел мимо душ. Десять лет он притворялся, водил за нос и родителей, и Указателей. Десять лет он был *нормальным*. И вот теперь все рухнуло. Он вляпался так, что макушки не видно! Дрался с переродившейся. Смотрел на призрака. Теперь ему не скрыться! Души почуют его дар. Будут ходить за ним по пятам, не оставят в покое ни на миг, в отличие от живых – те станут шарахаться от него, как от чумного. Все его друзья, знакомые, одногруппники… Вик будто бы видел, как меняются их лица, как под обычными дружелюбными и заискивающими выражениями проступает страх.

Его замутило. Он поспешно направился к брошенному на дорожке рюкзаку, слыша позади шаги девчонки и ее спутника. Как он там сказал: «Не смей трогать мою Женю»? Получается, они давно… знакомы? Вик закинул рюкзак за спину и оглянулся.

Девчонка и ее друг-призрак стояли рядом, больше никого на дорожке не было. Выглядела Женя совершенно нормально, если не считать радостного блеска в глазах и улыбки, которая то и дело касалась ее губ. Ни значка видящей, ни ксивы Указателя, но, может, они просто где-то в сумке или в кармане? На службе она или нет? С *ними* или одна?

– Меня Женя Скворцова зовут, – произнесла она. – А тебя?

Вик посмотрел на стоящего рядом с ней подростка. Распахнутый воротник белой рубашки обнажал его шею и уродливые багрово-лиловые синяки. Когда-то этого мальчика с лицом ангела задушили, а теперь он, получается, таскался за ней? Выглядел как обычный призрак, но его руки ведь только что были черными, а губы распирало от клыков? Указатели вряд ли бы стали терпеть такое рядом…

– Не твое дело, – наконец ответил Виктор и, отвернувшись, пошел прочь.

Женя нахмурилась, сияющий взгляд померк. Этот парень был не первым, кто отвернулся от нее, узнав о том, что она видит души. Но первым, кто притворялся, будто душ рядом нет. Она смотрела ему вслед, пока темнота не поглотила его, и только потом пошла домой. Гриша не отставал ни на шаг.

Когда скрылась и эта парочка, из тени деревьев вышел мужчина, чьи руки до плеч покрывали шрамы. Он изучил место, где рассыпался в прах один из монстров, одобрительно хмыкнул, а потом прошелся вдоль кустов шиповника. Что-то в траве рядом с краем гравия привлекло его внимание. Он присел на корточки и снова хмыкнул, подняв корочку студенческого билета.

– Значит, Виктор Коскинен? Отлично.

Глава 3

Дома царили тишина и темнота. Виктор разулся, оставив рюкзак в прихожей, прошел в ванную. В зеркале отразилось грязное лицо со ссадиной во всю щеку, в волосах запутался листочек шиповника. Осторожно вынув его, Вик открыл кран и смыл кровь сначала с ладоней, потом с лица. Тело ныло. Сняв испачканную одежду, он изучил живот: слева, чуть ниже ребер уже проступал синяк – именно туда пришелся удар мальчишки-переродившегося.

Или призрака?..

Вик залез в ванну и включил воду, заткнув слив пробкой со смешной уточкой-поплавком. Тот мальчишка с его изменяющимися руками не шел из головы, как и Женя. Может, не стоило так грубо отвечать? Виктор вспомнил ее глаза после его слов – так гаснут зайчики на воде, когда солнце съедает туча. Она сразу показалась такой одинокой и потерянной. Все-таки вряд ли она была Указателем – мелкая слишком, да и на видящую под их крылом не тянула, иначе не таскала бы за собой такую опасную душу. В том, что Гриша (если Виктор правильно помнил имя) опасен, сомнений не возникало. Он убил другого монстра! О таком Вик слышал впервые… Впрочем, что он вообще мог знать, если постоянно прятался? Только слухи, сплетни и что-то общеизвестное. Он посмотрел на свои руки: кожа на подушечках пальцев сморщилась от воды.

«Интересно, а что она сделала? – подумал Вик. – Когда коснулась того чудовища, что-то же произошло? – Он повторил жест Жени, словно приложил к чему-то ладони. – Что?»

Ответа не было.

Когда чистый и пахнущий лимонным гелем для душа Виктор вышел из ванной, часы показывали одиннадцать, а родителей дома все еще не было. Сначала он забеспокоился, но вспомнил, что сегодня пятница, а значит, мама с папой вернутся не раньше вечера воскресенья. Каждые выходные, начиная с мая и заканчивая октябрем, они уезжали на дачу. Обычно Виктор приглашал кого-нибудь из друзей, а то и целую компанию: всю ночь играть в настолки или приставку, смотреть фильмы, пить пиво, закусывая чипсами и сушеной рыбой. На первом курсе друзей заменила девушка, но на втором они расстались, и вместо постоянной гостьи в спальне Вика прописались переменные… Впрочем, девчонок он водил нечасто.

Пока Вик шел домой, он несколько раз открывал мессенджер, чтобы позвать кого-нибудь к себе, но, едва всплывал диалог, смахивал приложение с экрана и убирал телефон в карман. И теперь, стоя в пустой темной комнате, не знал, ругать себя за это или благодарить. Живые люди вокруг – единственный способ, который он знал, чтобы защититься от собственных мыслей и страхов. Если вокруг теплые, настоящие люди – без синяков на горле, простреленных голов, вскрытых вен, перебитых конечностей, значит, Вик тоже живой. Обычный. Нормальный.

Не изгой.

Но этот вечер показал, что сколько ни притворяйся, он – не они. Виктор впервые осознал это в полной мере и поэтому просто не мог позвать к себе никого, с кем дружил раньше. Даже тех, с кем тайком от родителей впервые пробовал крепкий алкоголь, смотрел журналы с полуголыми девушками, попадал в нелепые ситуации, о которых и рассказать-то стыдно. С ними у Вика было много общих секретов. Но главную тайну он всегда хранил в себе.

А теперь о ней знала Женя Скворцова… И пусть он сказал ей, что увидел лишь монстра, она не поверила. Да он и сам бы себе не поверил…

Вик натянул домашнюю футболку и плюхнулся в компьютерное кресло, пошевелил мышкой, выводя систему из спящего режима. Загорелся широкий экран, зажужжала, запускаясь, система водяного охлаждения, замерцал всеми цветами радуги системный блок. Комната сразу приобрела уютный и какой-то открыточный вид. Так могла бы выглядеть фотография в профиле соцсети игровой тематики, но никак не комната двадцатилетнего парня. В ней не было

ничего, что выдавало бы настоящего Виктора, только то, что могло бы понравиться другим. Маме, папе, одноклассникам, однокурсникам, девчонкам… Самыми честными здесь были значки LoL и пиратского сервера Aion на рабочем столе, но они же были последним бастионом – в тринадцать, уже три года избегая душ и пряча дар, Вик открыл для себя новый, виртуальный мир, в котором можно было быть просто подростком, а не «избранным, способным спасать и указывать», и едва в этом мире не потерялся. Поэтому в игру он заходил, только если нужно было перезагрузиться, отдохнуть, выпустить пар или забыться. Последнее сейчас бы не помешало, но Вик с сожалением снял курсор с золотой L, понимая, что может сделать себе только хуже.

Среди вкладок браузера он нашел ту, где была открыта его страничка в соцсети, нажал на название учебного заведения. В соседнем окошке тут же открылся список всех, кто указал вуз у себя. В нем-то Виктор и стал искать Скворцову. Как ни странно, но узнал он ее не по имени и фамилии, а по аватару: не так много оказалось в университете девушек, которые красят волосы в розовый.

Страница Жени оказалась такой же серьезной, как и она сама. Вместо шуток или романтичных цитат на стене были репосты фотографий архитектуры или природы, в подписках – сообщества про литературу или путешествия, среди аудиозаписей только классическая музыка. Даже фотография была как на паспорт, хотя и красивая: Женя смотрела в камеру не улыбаясь, а ее длинные нежно-розовые волосы были собраны в строгий высокий хвост. Виктору показалось, что ее страница – такая же ширма, как его комната, и от этой мысли неожиданно стало неуютно. Мурашки пробежали по рукам, и он даже собрался закрыть вкладку, вместо Жени написать кому угодно, хоть Юле из параллельной группы, хоть приставучей Ольге, вечно забывающей карточку, но не стал.

Женя была онлайн.

* * *

Гриша как раз читал статью про заповедники Африки, когда пришло сообщение. Он не стал его открывать, но за первым подоспело второе, потом третье, и наконец назойливое «тук-тук» привлекло внимание Жени.

– Кто-то пишет? – сонно поинтересовалась она с кровати.

Гриша промолчал. Ему не хотелось признаваться, что пишет тот самый парень, встреченный ими в парке. Но в тишине комнаты снова прозвучал звук уведомления, и пришлось сказать:

– Да. Виктор Коскинен.

Женя вздохнула. Она не знала никакого Виктора, но догадалась, что речь о том парне из парка. И вроде так окликал его однокурсник в их первую встречу. Она вылезла из-под одеяла и потеснила на стуле Гришу. Тот всем своим видом показывал, как он недоволен тем, что его отвлекают от чтения, но Женя понимала, *что* беспокоит лучшего друга на самом деле.

Коскинен начал диалог с банального:

Привет

Потом не придумал ничего лучше, как сразу перейти к делу:

Приходи ко мне, я один

и адрес. Видимо, осознав, как странно звучит его предложение, он принялся оправдываться: «Я не то имел в виду» и прочие банальности. Женя даже удивилась – уверенный в себе красавчик, а несет в переписке такую глупую и вульгарную чушь!

– Странный он, – прокомментировал Гриша, показательно отвернувшись.

Женя перечитала сообщения еще раз и начала понимать, что проблема не в том, что Виктор странный. Просто он боялся. Боялся назвать причину, по которой решился написать, боялся оставаться один.

Женя подтянула к себе клавиатуру и напечатала:

Привет. К тебе не пойду. Поздно. Давай завтра с утра у метро «Восстания», в одиннадцать.

– Ты же это не серьезно? – Гриша кивнул на сообщение.

Женя нажала Enter. Друг скривился, пересек комнату и вышел в окно – даже штора не качнулась. Когда он сделал так в первый раз, Женя очень испугалась.

Ей было девять, и она отказалась идти с ним гулять – хотелось просто валяться на кровати, есть черешню да читать книгу, но Гриша не мог почувствовать сладкой неги летнего дня – солнца, щекочущего нос, сладости сочных ягод; ему было скучно. И тогда он просто ушел, а она выбежала за ним на улицу, в залитый белым ярким светом двор, который оказался пуст. В тот раз Женя искала его до вечера, проплакала ночь, а утром Гриша заявился обратно как ни в чем не бывало. И чем серьезнее была ссора, тем дольше он отсутствовал, но всегда возвращался.

– Ему же страшно, – произнесла Женя пустой комнате. – Мы должны ему помочь! Он же помог мне!

Ответа не последовало, хотя Гриша, стоявший на подоконнике, все слышал. Он знал, что честность и благородство Жени просто не позволят ей отказать этому Виктору. Она была добра и приходила на помощь даже тем, кого спасать не следовало. Уж он-то это отлично знал – неупокоенный дух умершего насильственной смертью мальчишки. И все-таки Женя увидела в нем не монстра, от которого стоит держаться подальше, а того, кем он когда-то был, – человека.

А кем был Виктор до того, как решился посмотреть в глаза своему дару? Лжецом самой низкой породы – тем, кто врет самому себе, лишь бы не остаться в одиночестве! Такому трусу рядом с его Женей не место – Гриша в этом не сомневался, но она считала по-другому.

Гриша шагнул с подоконника вниз, решив, что раньше понедельника он ей на глаза не покажется и от ее дара тоже будет скрываться.

* * *

Поставленный с вечера на девять будильник не пригодился, потому что Виктор проснулся куда раньше – неловко перевернулся на живот, потревожил синяк, и тот отомстил ему резкой болью. Больше уснуть не получилось: в голову лезли всякие ужасы.

Все узнают, что у него есть дар видеть души.

Друзья отворачиваются.

Родители выгоняют из дома.

Души преследуют его и днем и ночью. От них не спрятаться.

Пришлось вставать и успокаивать себя простыми рутинными действиями: умыться, почистить зубы, заварить кофе. На какое-то время это помогло, но когда Вик сел с чашкой за компьютер, нервная дрожь вернулась. С детства ему говорили, что худшее, что может случиться, – это обнаружить у себя способность видеть умерших. Теперь он боялся, что все страшилки, услышанные в детстве, правда. Но Женя выбивалась из них: она выглядела обычной, и никакие полчища призраков и переродившихся ее не преследовали. Она училась в университете, а не пропадала на дежурствах Указателей, и, кажется, жизнь у нее была вполне нормальной.

Виктор уцепился за эти мысли, как за спасательный круг. Они помогли ему выйти из дома, спуститься в метро и пересечь целую площадь, полную людей.

Женя стояла у метро, как и обещала, читала что-то с экрана смартфона – с серьезным лицом, задумчиво закусив губу. Длинные розовые волосы, заплетенные в косу, спускались почти до пояса, черные джинсы плотно облегали бедра и ноги, а вот толстовка была свободной и скрадывала фигуру. Завершали образ грубые ботинки на шнуровке.

– Привет, – Виктор дружелюбно улыбнулся.

Женя подняла глаза, внимательно изучила его лицо, задержавшись на ссадине на щеке.

– Привет, – произнесла она. – Продолжим с того, на чем остановились?

Виктор растерялся, и Женю это неожиданно развеселило.

– Ты не представился, – со смешком пояснила она.

– Ты же знаешь мое имя, – фыркнул Вик, но Женя иронично приподняла бровь. – Хорошо. Меня зовут Виктор Коскинен. Приятно познакомиться. Так лучше?

– Конечно! – Она снова улыбнулась, той самой искренней улыбкой, которая касалась не только губ, но и глаз.

И у Виктора от нее потеплело на душе.

Повисла неловкая пауза. Женя крутила в руках телефон, Вик оглядывался по сторонам – оба явно не знали, что делать дальше. Если для Жени ситуация была в новинку, она редко гуляла с живыми людьми, тем более с парнями, то Виктор удивлялся сам себе. Он думал, что ситуации, в которых между ним и девчонкой стоит неловкость, остались в прошлом. «Возьми себя в руки! Это же не свидание!»

– Ну, куда пойдем? Может, хочешь позавтракать или просто выпить кофе?

– Я больше чай люблю! – оживилась Женя. – Неподалеку есть хорошее место!

– Тогда веди. – Виктор галантно подставил локоть, но Женя или не поняла жест, или притворилась, что не поняла, поэтому Вик просто пошел следом.

Хорошее место оказалось авторской кофейней с приятным лофт-интерьером и вполне адекватными ценами. Вик купил себе американо, а Женя выбрала чай «Красное яблоко», оба стакана украшали симпатичные иллюстрации с осенней тематикой. Бариста пояснил, что они созданы местными молодыми художниками, и Жене это очень понравилось. Подумалось, что интересы у нее немного старомодные: классическая музыка, выставки, а компания и вовсе странная – мертвый мальчишка.

– А где твой призрак сейчас, кстати? – поинтересовался Вик, когда они вышли из кафе и направились к пешеходному переходу.

Женя пожала плечами:

– Не знаю… Ушел, когда я согласилась с тобой встретиться, – голос ее прозвучал немного грустно.

– Я ему не нравлюсь? – Он собирался свести все к шутке, но Женя неожиданно серьезно согласилась с ним, кивнула и добавила:

– Ему никто не нравится.

– Как же вы подружились? – Виктор помолчал, собираясь с духом, чтобы задать вопрос, который, наряду с остальными, очень его занимал. – Он же… переродившийся?

Теперь настала очередь Жени молчать. Она быстро шагала по тротуару, потягивая свой чай через трубочку, и взгляд ее был задумчивым.

– Я думаю, да. – Заметив, как приподнялись брови Виктора, она вздохнула. – Но он не монстр! Просто… необычный. Может менять свою форму: становиться достаточно материальным и опасным, но он всегда себя полностью контролирует! Он помнит, кто он и как умер… Души, которые мне встречались, сильно отличались от него. Обычно переродившимися двигали ярость и месть, жажда крови, а обычные души… Ну, они обычные. – Женя пожала плечами, словно эти слова не требовалось объяснять, а вопросов у Виктора стало только больше.

Получается, она часто общалась с мертвецами? Встречала и других монстров, кроме той жути в парке? И ее до сих пор никто не убил и не забрал в Интернат? Не сделал Указателем?!

– Обычные… – хмыкнул Вик, поднес к губам стаканчик, но передумал и пить не стал, – это все само по себе необычно!

Женя кинула на него быстрый взгляд, догадываясь, куда он клонит, а Виктор продолжал:

– Особенно то, что ты не Указатель, и как они тебя просмотрели?

– Они и не всматривались. – Она пожала плечами, прищурилась, глядя куда-то сквозь окружающую их толпу. – Ты же знаешь, в сентябре и марте Указатели приходят в детские сады и школы, тащат с собой душу, чтобы проверить – видит ли кто ее… Я притворилась, что не вижу.

Вик растерялся:

– Но зачем? – и сам над собой едва горько не рассмеялся: будто бы он не сделал то же самое!

И снова это быстрое движение, блеснувшие серые глаза. Виктор смотрел на Женю в упор, не отводя взгляд, но она зрительного контакта избегала. Интересно, только с ним или всегда?

– Я боялась за Гришу… Вдруг они бы его прогнали? Или убили? Они ведь убивают тех, кто может быть опасен для людей, или, как они говорят: «Указывают путь». – Женя помолчала, сделала еще глоток чая. – Я и сейчас боюсь за него…

Вик последовал ее примеру – тоже отхлебнул кофе, но тот оказался слишком горячим, таким, что слезы на глаза навернулись, и все вопросы на миг стали неважны, но лишь на миг, ведь о главном он еще не спросил:

– А… последствия? – Не хотел, конечно, чтобы голос задрожал, но не справился.

– Какие?

Странно было слышать этот вопрос. Настолько странно, что Виктор даже приостановился, удивленно глядя на Женю, та снова сделала глоток, покачала опустевшим стаканчиком, огорченно поджала губы и ответила:

– Меня никогда не преследовали души. Я знаю, что стоит видящему проявить свои способности, как скрыть их от мертвецов больше нельзя, но… – она пожала плечами и метким броском отправила пустой стаканчик в урну, – я и не пыталась. Только от Указателей и других людей.

Виктор отвернулся от нее, задумчиво потирая скулу пальцем. Ее слова опровергали все, что он слышал, все, чем его пичкали с детства. Байки, страшилки, «мне брат рассказал, а ему его дядька»: о том, как малышей, заговоривших с душой, утаскивали и убивали переродившиеся; о том, как видящие сходили с ума, не в силах спрятаться от вездесущих мертвецов; о том, как Указатели отбирали детей у любящих родителей, увозили их в свои школы и заставляли уничтожать монстров; о том, как ставшие Указателями не доживали и до сорока, потому что погибали в схватках. Особенно жуткими эти истории получались у деда. Когда Виктор думал о нем, то сначала всегда вспоминал именно его ненависть и наставления: «Если окажешься уродом – не вздумай показать мертвецам, что видишь их!», а уж потом – как вкусно дед умел жарить картошку на шкварках, как брал его с собой на рыбалку, как учил делать самолетики из бумаги.

– А ты? – Негромкий голос Жени вернул Виктора из воспоминаний в реальность. – Ты не Указатель и дар свой явно скрывал. – То, как она произнесла слово «дар», заставило Виктора вздрогнуть, было в интонации что-то восторженно-гордое, что-то, что обжигало верой в… во что? – Ты же соврал мне тогда, в парке… А потом написал. Что изменилось?

На миг Вику показалось, что он сглупил. Солнце заливало улицу, синее небо отражалось в водах реки, искрившейся бликами, люди – совершенно обычные, живые! – прогуливались по набережной. Ни душ, ни фантомов, ни переродившихся. Вокруг своим чередом шла *нормальная* жизнь. Так зачем…

– Я испугался, – слова сорвались с губ легко. Это потому, что он сказал правду? – Я с пеленок слушал о том, как опасны способности видящих, по-моему, ни дня не проходило,

чтобы дед об этом не заговорил… Я боялся, что души придут за мной, что в квартиру проберется переродившийся и убьет родителей, просто потому что я – *такой*. – «Какой?» – читалось на Женином бледном лице, но вслух она свой вопрос не задала, потому что и без того знала ответ, а Вик продолжал: – И я подумал, может, ты что-то знаешь? Что-то, что позволит мне сохранить свою жизнь!

– Сохранить? – Женя снова кинула на него быстрый взгляд. – Прости, но у меня нет советов, я вижу души с шести и никогда не скрывала этого от них, только от людей.

Повисло гнетущее молчание. Они продолжали шагать рядом вдоль канала, но разговор, казалось, зашел в тупик. Женя любовалась рекой, щуря необычно светлые глаза, а Вик привычно смотрел под ноги, обдумывая ее слова. Могли ли они значить, что шанс на свободу все-таки существует? Есть советы или нет, но она сама яркий пример того, что можно не быть Указателем и не сойти с ума.

– А твоя первая душа… Какой она была?

Вопрос застал Виктора врасплох, теперь уже он быстро взглянул на Женю и тут же потупился. Говорить о подобном казалось… диким. Игры, комиксы, книги, да хоть какие-нибудь вузовские сплетни – вот это нормальные темы! Вик снова покосился на Женю, а та, вопреки обыкновению, смотрела прямо на него, и смотрела заинтересованно. Вот ведь странная девчонка! Уголки губ Виктора дрогнули – впрочем, странная не только она, но и он, потому что ему хотелось ответить на ее вопрос.

Ему хотелось рассказать. Поделиться. Доверить эти воспоминания тому, кто сможет их понять, потому что каждый день они немым грузом тянули его туда, в пропахшую сигаретами квартиру с желтыми обоями и вытертым линолеумом…

– Старой, точнее, старым. Дед умер, когда мне было десять, летом. В начале каникул меня всегда отвозили к нему, так было и в тот раз. Родители привезли меня вечером, уехали, а я остался. Дед сходил в магазин и принес пирожные – корзиночки с масляным кремом, таким жирным, что от него почти тошнило. – Виктор усмехнулся, вспоминая. – Мы пили чай, смотрели телевизор, дед обещал, что завтра пойдем на рыбалку, сварим уху прямо на берегу… Утром я пришел его будить и увидел тело на кровати, а душу у окна.

– Наверное, испугался?

Вик помолчал, пытаясь подобрать слова. Тогда, совсем мальчишка, он должен был бояться, но страх пришел позже, много позже, когда он осознал, что ему придется всю жизнь отводить глаза, прятать эмоции, держать лицо, нет, маску нормального человека. А любая ошибка столкнет его в пропасть.

– Не знаю, не уверен… Дед всю жизнь рассказывал мне, как опасен дар видящего, учил, что если не повезет – я должен буду притворяться, и я притворялся. До вчерашнего вечера.

Они остановились у спуска к реке, Женя облокотилась на парапет, нагретый солнцем. Ее удивлял Виктор. Получается, он скрывался от душ десять лет? Насколько же он владеет собой! Тогда понятно, почему в парке он соврал. Если не снимать маску, она прирастет.

– А твоя первая душа? Какой была она?

Улыбка тронула бледные губы Жени, и Виктор почувствовал, как в животе будто кто-то пошевелил тонкими, ломкими, словно у бабочки, голубыми крылышками.

– Ты с ним уже знаком.

– Гриша?

Женя кивнула, и в ее глазах заискрилось тепло, с каким можно было бы вспоминать о ком-то очень дорогом. Любимом. Вику даже стало завидно.

– Ты очень… привязана к нему, – сказал он и тоже прислонился к ограждению, только спиной, и если бы поднял глаза, то смог бы увидеть, как мимо бесконечным потоком движутся люди.

– Он мой друг. – Женя помолчала и осторожно тронула Виктора за локоть, самыми кончиками пальцев. – Пойдем лучше в парк? В этом году я еще не кормила белочек.

– Белочек? Ну пойдем, только знаешь, они и укусить могут!

Женя удивленно вскинула брови, и Вик пояснил:

– Меня как-то цапнула одна, хочешь, расскажу?

В тот день история про агрессивную белочку, пытавшуюся отнять орешек, стала одной из многих. Виктор оказался совсем не таким уж высокомерным, опасным красавчиком, каким поначалу воображала его Женя. Веселые байки сменялись разговорами о фильмах; он любил комиксы, хотя совсем не читал книг (кроме учебных!), а еще игры. Женя ни в какие «эмэмо» и «моба» в жизни не играла, но слушать о виртуальных сражениях ей понравилось.

«Пожалуй, с ним можно и подружиться», – подумала она, забирая у Вика рожок с мороженым, которым он решил ее угостить, – ванильным с клубничным топингом, себе он взял шоколадное.

Ветер волновал кроны деревьев, едва тронутых золотом, и солнце играло в догонялки с тенями на асфальте; никто из видящих не замечал притаившегося подростка, шею которого уродовали лиловые синяки.

Глава 4

– Вы нашли ее? – Петр поправил светло-серый в тонкую полоску пиджак. Его отражение смерило внимательным и строгим взглядом тех, кто столпился позади.

– Нет, – ответил один из них, невысокий, в дешевом костюме и с недельной щетиной на вытянутом лице. – Но мы ищем…

Петр повернулся спиной к зеркалу и посмотрел на подчиненных: у всех красные глаза и усталый вид. Они отлично знали, что бывает с теми, кто не способен справиться с работой вовремя. А потому не спали и, наверное, нормально не ели уже сутки.

– Понедельник. Максимум. – Петр пересек кабинет и сел за рабочий стол.

Атмосфера в комнате стала еще более напряженной: люди здесь всецело зависели не то что от его слова – от взгляда, а он поставил перед ними, и без того вымотанными, очень жесткие сроки.

– При всем уважении, шеф, – осторожно произнес крепыш в темном, Олег, чуть выступив вперед, – но понедельник завтра, мы не можем гарантировать…

За что Петр его ценил, так это за то, что подчиненный мог реально оценить сроки и риски. И мог сказать об этом, не побоявшись… неудовольствия.

– Хорошо. Среда. Свободны.

Олег коротко кивнул и, чеканя шаг, вышел первым, за ним, вжимая головы в плечи, потянулись остальные, а Петр поморщился и потер переносицу. Старший сын причинял слишком много неудобств, мешал вести дела, бросал тень на репутацию семьи. Не то чтобы она была такой уж безупречной, но Петр строго следил за тем, какая информация попадала в СМИ, а таить в мешке такое шило, как «Сашенька», год от года становилось все сложнее. Ночные гонки или легкие наркотики в клубах – мелочи, их легко замять, но что будет, если кто-то пронюхает, что в загородном доме Гарешко произошло убийство? Если появится переродок, если он вырвется из подвала, если…

Чтобы не случилось этих «если», Петр и решил перестраховаться. Сначала он планировал потянуть за нужные ниточки в ФСУ[1], а потом Олег принес ему информацию о том, что кто-то видел девчонку, уничтожившую монстра в парке. На вид лет восемнадцать, волосы розовые – таких в Управлении не было, это проверили в первую очередь. А значит, соплячка идеальный кандидат для того, чтобы в случае необходимости решить проблему с переродившейся.

Повезло, что можно будет обойтись без гадов-Указателей и взяток. За работу они брали немало, а за молчание – еще больше.

* * *

Все воскресенье Женя потратила на подготовку домашних заданий: преподаватели назадавали их целую гору, совершенно не щадя первокурсников, и в итоге Женя просидела за чтением лекций, написанием лабораторных и эссе допоздна, отвлекшись лишь раз – на сообщение Виктора. Он предложил ей прогуляться, но перспектива словить неуд на любом из семинаров пугала больше, чем манило продолжение знакомства. Стоило только представить кислое лицо матери – результат какой-нибудь несчастной тройки, как руки сами тянулись к учебникам… К тому же нужна была стипендия, поэтому Женя с сожалением написала Вику: «Не сегодня» и нажала «Отправить», старательно отгоняя мысли о том, что у такого приятного парня наверняка найдется компания поинтереснее, чем она – тихоня, у которой из плюсов

[1] ФСУ – Федеральная служба Указателей. В городах действуют Управления Указателей.

только дар видеть души, а из минусов все остальное: от неброской внешности до нулевых навыков общения.

Вик так не считал. Ему понравилась Женя: то, как серьезно она хмурила брови, когда рассказывала о чем-то важном, как смущенно теребила кончик розовой косы, если слышала комплимент, как радостно улыбалась, оглядываясь на Вика, когда белочка брала орешек с ее ладони. С ней было легко, потому что она почти ничего не знала о нем и одновременно знала больше всех. Самое важное. И теперь он предпочел бы общество Жени любому другому.

Получив сообщение с отказом, Вик решил прокатиться до университета. В выходные там работал бесплатный для студентов спортзал, чем он частенько пользовался. Приходил вечером, занимался, а потом принимал душ и ехал домой. Спорт держал в форме и тело, и разум, Виктор верил в то, что он помогает справляться с даром: когда мышцы дрожат от напряжения, а пот заливает лицо, в голове остается только восхитительная пустота. Ни страхов, ни сомнений, ни глупой рефлексии.

Но в этот раз на входе возникли проблемы: охранник дежурно потребовал студенческий, Вик сунул руку в карман, но нащупал лишь шероховатую ткань. Не оказалось билета ни в другом кармане джинсов, ни в куртке, ни даже в рюкзаке. Что за?.. Удивленный и раздосадованный, Виктор уже собирался ехать домой, но охранник махнул ему рукой:

– Я тебя тут третий год вижу, заходи.

– Спасибо! Я обязательно…

– Да иди уже, – фыркнул охранник, и Вик, еще раз поблагодарив его, отправился в зал.

Вечер воскресенья – время популярное, но сегодня, кажется, позаниматься пришел весь универ. Очереди стояли и к тренажерам, и, само собой, к душевым, в итоге Вик закончил позже, чем рассчитывал, но это его настроение не испортило. Мышцы приятно ныли, кровь радостно бежала по венам, и казалось, что энергии только прибавилось. Он вприпрыжку спустился по ступенькам, полной грудью вдохнул прохладный, с дымной горчинкой воздух. По двору разлились сиренево-розовые сумерки, солнце сползло за дома, и теперь над ними разгорался малиновый пожар. Вик достал телефон, открыл камеру, потом свайпнул ее, но, подумав, все же решился – сфотографировал закат и отправил фотографию Жене. Она ответила сразу – прислала смайлик с глазами-сердечками, и Вик улыбнулся. Почему-то в груди разлилось тепло, неожиданно приятное и щекочущее; последний раз он испытывал подобное в десятом классе, когда на олимпиаде по математике увидел девчонку из другой школы – единственную среди пяти мальчишек-финалистов последнего тура.

Вик еще раз посмотрел на сообщение Жени, покачал головой, убрал телефон в карман и огляделся. Душ рядом не было, лишь живые шли по своим делам мимо кованого забора университета, да курил, спустившись к урне, второй охранник. Виктор кивнул ему и направился к метро, по привычке опустив взгляд, но держа голову прямо, а плечи расправленными. Откуда-то привязался веселый мотивчик, и Вик стал его насвистывать. Сегодня он не чувствовал въевшейся в сердце тревоги, той самой, что сопровождала его с детства. Это… окрыляло. Делало походку легкой и пружинистой, а дыхание ровным и глубоким.

«Так вот как ощущается свобода, – думал Вик, стремительно шагая вперед, – кажется, что и душ никаких не существует!» Захотелось гордо вскинуть голову, не прятать взгляд, но Вик себя одернул – мало ли, может, встреча с монстром в физической форме работала иначе, не обнажала дар? В таком случае точно не стоит забывать об осторожности! Не хватало еще разрушить все по чистой случайности.

* * *

Денис нашел этого Виктора Коскинена быстро – только и дел написать запрос в вуз и получить всю информацию: когда родился, где учился, когда поступил и как с успеваемостью…

А еще – телефон и адрес. От идеи позвонить парню Денис отказался сразу, решив, что тот вряд ли ответит незнакомцу – по себе знал, как часто неизвестные номера оказываются заблокированными сразу после сброса звонка, но и заявляться к нему домой показалось неуместным. Правда, уже после того, как Денис туда добрался.

Жил Коскинен недалеко от центра, в районе, который хоть и не тянул на элитный, но был чистым, застроенным аккуратными малоэтажными домами с закрытыми дворами, да еще и очень зеленым. Деревья, кусты, клумбы, газоны – столько ухоженной растительности Денис в других районах не видел. И метро рядом! Квартиры здесь наверняка стоили заоблачных денег, простой Указатель вряд ли себе позволит.

Денис щелчком отправил в урну бычок и прищурился. Он стоял через дорогу от ворот во двор Коскинена, прислонившись к кованой ограде парка, размышляя, стоит ли проскользнуть во двор, дождавшись кого-нибудь выходящего, или лучше подкараулить парня возле университета, а то и заявиться в деканат и потребовать, чтобы Коскинена привели. Все-таки по домам видящих не собирали даже во время официальных проверок… Пока Денис размышлял, Виктор появился сам: придержал створку для мамаши с коляской, затем аккуратно прикрыл ее, чтобы не хлопнула, дернул плечом, поправляя рюкзак, и двинулся к метро. Денис последовал за ним.

Коскинен шел быстрым, пружинистым шагом, высоко подняв голову, и со спины в нем сложно было распознать видящего. Обычно они утыкались взглядом в асфальт, втягивали голову в плечи и почти не оглядывались, впрочем, этот парень тоже особо-то по сторонам не глазел. Денис хмыкнул, редко кто из видящих мог дожить до такого возраста, не пройдя обучения в Интернате и не побывав Указателем на службе. А Коскинен тем временем свернул к пешеходному переходу, и пришлось немного отстать, чтобы не выдать себя раньше времени. По позвоночнику водила коготком тревога. Сначала Денис подумал, что дело в странной слежке, что он устроил, но причина оказалась в другом – вокруг не было душ. Ни призраков, ни фантомов – никого, словно нечто накрыло пространство вокруг пузырем и высосало оттуда всех, кроме живых.

Обычно Денис ощущал все души в радиусе нескольких десятков метров, как будто огоньки в темноте. Перламутрово-молочные и яркие – призраки; дрожащие серые – фантомы, они могли помигивать, могли резко вспыхнуть, а могли и погаснуть; обжигающе-белые, дышащие опасностью – переродки. Для Дениса это чувство было таким же естественным, как обоняние, зрение или осязание. Он нахмурился, огляделся, но не заметил ничего странного, а потом прикрыл глаза и сосредоточился. Где-то на самом краешке восприятия полыхнула искорка, хрупкая и морозно-синяя. Знакомая.

– Переход улицы Капелева разрешен. Переход улицы Капелева разрешен. Переход улицы…

Коскинен двинулся на зеленый пешеходам, и Денис проводил его взглядом, ощущая, как знакомая искорка начала перемещаться. Странная душа мальчишки из парка тоже следила за парнем.

Интересно!

* * *

Женя задумчиво размешивала сахар в кружке с кофе. Обычно терпкий, чуть горьковатый запах бодрил, но сегодня сонная, окутывающая ватным облаком усталость никак не желала уходить: сжимала горячими пальцами виски, давила на плечи, и Женя морщилась. Еще и Гриша не вернулся! От этого в животе раскручивалась колючая проволока тревоги. Женя знала, что если друг не явится в ближайшие четыре часа, то тревога превратится в липкий страх, перемыкающий горло спазмом, и справиться с ним будет очень сложно. Обычно Гриша уходил на

несколько часов, иногда – пару дней, дольше всего его не было, когда она отказалась поступать в музыкальное училище – тогда Женя кричала до хрипоты, Гриша голос не повышал, но руки его по локоть оплела чернота, а когда она заплакала, он просто ушел. Исчез. И не появлялся неделю. Тогда она заболела, но стоило узкой ладони с длинными музыкальными пальцами коснуться ее лба – все прошло. Женя глотнула кофе, сморщилась, вылила его в раковину и достала с верхней полки пачку успокоительного. «Пить пока не буду, просто возьму с собой», – решила она.

Осенняя прохлада живительной бодрости тоже не подарила. От порывов легкого ветра начинало знобить, а солнечные лучи спицами впивались в мозг, Женя ежилась, кусала губы, но все равно упрямо шагала вперед, и у входа в подземку ее ждала награда: прислонившись к стене и скрестив руки на груди, стоял Гриша, а буквально в полуметре от него – Виктор. Он набирал что-то в смартфоне, а когда поднял от экрана глаза, Женя почувствовала вибрацию уведомления. Она не стала доставать и проверять, что там, пошла быстрее, и вскоре ее заметили; Виктор широко улыбнулся, а Гриша наоборот – нахмурился и шагнул к ней.

– Тебе очень плохо?

Холодные ладони коснулись пылающих щек, холодное дыхание остудило горячий лоб, и Женя прикрыла глаза, наслаждаясь этим.

– Уже лучше. – Она слабо улыбнулась. Ватный кокон вокруг начал распадаться, сползать, и к окружающему миру постепенно вернулись краски, запахи, четкость звуков. – Ты же знаешь, мне сложно без тебя.

Гриша в ответ на мягкий упрек поджал губы, но Женя видела, как в его синих глазах разливается вина. В такие моменты они становились темнее, обретали стальной перелив воды под хмурым небом, и Женя опять жалела, что не в силах отразить это, запечатлеть: в песне, в картине – хоть в чем-нибудь, кроме собственной памяти!

– Прости.

Снова. Опять. В очередной раз… Какая разница в который? Она знала, что ему *действительно* жаль: было в первый, и было сейчас. Женя хотела сказать ему: «Я знаю, ничего», но к ним подошел Виктор. Он явно чувствовал себя неловко, словно подсмотрел или подслушал что-то личное, а то и стыдное.

– Привет, – негромко сказал Вик, – поехали в универ вместе?

Гриша фыркнул и первым нырнул в людской поток, мягко расступившийся, словно косяк рыб, и сомкнувшийся за его спиной. Женю всегда удивляла безотчетность человеческого восприятия – никто призрака не видел, но какое-то неведомое чутье вело толпу, заставляя незаметно отклоняться, избегая столкновения. Может, у видящих это чутье просто было развито сильнее?

– Поехали, – согласилась она, проигнорировала предложенный Виктором локоть и последовала за Гришей.

* * *

– Коскинен! – окрик преподавателя заставил вздрогнуть, и Вик едва сдержался, чтобы не поморщиться.

Показывать свою досаду не стоило – Володин студентов не любил и отличался злопамятностью, хотя сам-то выпустился, может, лет пять назад.

– Да?

– Что да? Вы на вопрос отвечать собираетесь?

«Если бы я его услышал, то возможно», – мрачно подумал Вик. Но вопроса он не слышал – уж очень задумался о том, как встретил Гришу неподалеку от своего дома. На станции Жени

он вышел специально, узнав адрес, а потом подсмотрев ее расписание, но вот сцены, свидетелем которой стал, не ожидал.

– Простите, я не готов к семинару.

В тишине аудитории отчетливо прозвучали щелчки мыши, а потом клавиатуры; в журнале появился неуд, который потом еще придется отрабатывать, чтобы к сессии допустили. Вик решил, что об этом он подумает позже, в конце концов, семестр только начался.

Влепив отработку, преподаватель наконец оставил Виктора в покое, и тот снова вернулся к мыслям о Жене и Грише. Было в них что-то… неправильное? Мертвый подросток и живая девчонка выглядели словно парочка. Влюбленные. Вик видел, *как* призрак коснулся щеки Жени, *как* он смотрел на нее, и *как* смотрела она. С надеждой, с радостью, с теплом и грустью, и при этом совершенно беззащитно. Разве так смотрят на друзей? На Виктора так ни одна подружка не смотрела, даже в отношениях!

Он задумчиво потер скулу, чувствуя под пальцем шероховатую корочку ссадины. Может, показалось? Разве можно влюбиться в мертвого человека? Вик поморщился и взялся за смартфон, открыл страницу Жени в соцсети. Серьезный взгляд, розовые волосы, собранные в высокий хвост, поджатые бледные губы.

– Ух ты! – Андрей склонился к Виктору. – Какая надутая! Лицо знакомое, кажется, у нас учится?

– Лицо? Я думал, ты на волосы внимание обратил, – весело отозвался Вик, на самом деле никакого веселья не чувствуя. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь комментировал внешность Жени.

– А что волосы? – пожал плечами одногруппник. – Ну яркие… А вот лицо да – симпатичная была бы, если б так не дулась.

Виктор прищелкнул языком, выражая несогласие, и погасил экран. Потом напишет, когда никто не будет смотреть и лезть с замечаниями, но не тут-то было. Андрей молчал минут пять, а потом наклонился ближе и прошептал:

– Не, правда, кто она? Здесь учится? Запал на нее?

– Уймись, – Вик легонько пнул стул одногруппника. Не рассказывать же ему правду!

От одной мысли о подобном внутри разбухало желание глупо, почти истерически рассмеяться: «А знаешь, друг, я ведь видящий, да-да, души умерших вижу! И девчонка эта, Женей зовут, тоже. А еще у нее друг призрак и, кажется, монстр, и смотрит она на него как на бога…» Виктору на миг показалось, что он действительно сейчас расхохочется, пришлось даже стиснуть зубы. Он ведь всегда так хорошо владел собой! Неужели одна встреча, один разговор могут так сильно повлиять на человека?!

– Да ла-адно, Коскинен, что ты…

– Я сказал: уймись.

Андрей пренебрежительно фыркнул и отвернулся, а Вик неожиданно испытал облегчение. Раньше, когда кто-то отворачивался от него, приходил страх – колол под грудину, говорил, что следом за первым отвернувшимся появится и второй, и третий, и тогда Вик останется один. Странный, ненормальный, никому не нужный.

«Поскорее бы эта пара закончилась, – подумал он, – напишу Жене и позову ее на кофе».

Но на кофе Женя идти отказалась, и прогуляться после пар тоже, и вообще до выходных она точно будет занята. Получив эти сообщения, Виктор вспомнил холодные глаза Гриши и поморщился. Ему казалось, что сама Женя бы согласилась, а ее отказ – это дело рук призрака. Может, шантажировал ее тем, что если она снова встретится с Виктором, то он опять уйдет и бросит ее. Настроение испортилось окончательно, но Вик умел с этим справляться – позвал на обед Олю и угостил кофе ее. Она рассказывала смешные сплетни про своих подружек, висла на его руке по пути из столовой до аудитории, с удовольствием ловила завистливые взгляды

подружек, и Вику показалось, что он снова стал самим собой. Классным парнем. Нормальным парнем.

А души? Какие еще души? Глупости все это. Поиграли, и хватит.

Увы, вечером стало ясно, что игра не закончена. Когда после пар он под руку с Олей вышел из университета, то заметил знакомое лицо. Тот самый мужик, что смотрел на него, когда Вик увидел в витрине переродившуюся, стоял, прислонившись к ограде, и пялился на выходящих студентов. Сердце пропустило удар, и Виктор едва не сбился с шага, отчаянно надеясь, что это глупое совпадение, и вообще он обознался, но… Прическа мужика с этими отросшими до скул волосами, и коричневая кожаная куртка, и цепкий взгляд светло-карих глаз, ощупывающий каждого, кто появлялся на крыльце, – все уничтожало надежду на корню. Мужик был тем самым.

Оля, почувствовав замешательство Виктора, сначала замерла, а потом, вместо того чтобы остановиться, потянула его вперед.

– Ты идешь?

– Нет, я…

Мужик заметил их, прищурился и улыбнулся. Помахал Виктору рукой, подзывая.

– Это твой знакомый? – Оля оглянулась.

– Нет… то есть да… блин…

Брови одногруппницы поползли вверх, но она не стала ничего говорить, улыбнулась, погладила Виктора по плечу:

– Ла-адно, тогда в следующий раз! Пока!

А он, чувствуя, как слабеют колени, направился к незнакомцу.

– Ну здравствуй, Виктор Коскинен, – произнес тот, когда Вик подошел. Голос у него оказался чуть хрипловатый.

– Не припомню, чтобы мы знакомились.

– Не обязательно знакомиться, чтобы узнать имя видящего.

– Вы обознались.

Мужик хмыкнул.

– Пошли, – бросил он и пошел вперед, но Вик, конечно, слушать его не собирался.

Может, если постоять и подождать, пока мужик отойдет достаточно далеко, то получится улизнуть? Наверное, этот тип мысли читал: обернулся, криво усмехнулся, потом вернулся, как клещ вцепился в руку повыше локтя и потащил за собой. «Закричать, что ли?» – мрачно подумал Вик, специально едва переставляя ноги, но народу на улице, как назло, почти что и не было, а пара пожилых женщин, встретившихся по пути, сразу отвели глаза, едва мужик достал из-под рубашки бляху Указателя. Университет скрылся за рядами стройных тополей и пышными кустами шиповника, и шансы на чью-нибудь помощь совсем растаяли.

– Сам пойду, – процедил Виктор, дернув рукой.

Мужик остановился, изучил степень искренности, видимо, нашел ее удовлетворительной и наконец разжал пальцы.

– Сразу бы так, – бросил он и больше не сказал ни слова, пока они не дошли до кладбища.

Богословское захоронение находилось минутах в двадцати от университета и считалось одним из старейших в городе. Часть надгробий установили еще в тысяча семьсот двадцатых годах. Здесь давно уже никого не хоронили, но территория содержалась в порядке, некоторые энтузиасты даже водили по ней экскурсии. Особой популярностью они пользовались осенью, когда к мрачной атмосфере некрополя добавлялась мимолетная красота увядания и золотых листьев, но Виктор такие места не любил.

– Вы издеваетесь? – возмутился он, когда мужик отворил тихо скрипнувшую калитку.

– А в чем дело? Самое безопасное и уединенное место, поверь мне, – пожал тот плечами.

– Тут же куча мертвецов!

– А чего тебе бояться, раз ты их не видишь? – криво усмехнулся Указатель и кивком пригласил Виктора зайти.

Идти, конечно, не хотелось, но куда деваться? Опять вцепится и затащит силой.

– На самом деле на старых кладбищах призраки встречаются редко. – Мужчина целеустремленно шел вперед, не спотыкаясь и не оступаясь, хотя вечерние сумерки уже сгустились в ночную темноту.

Виктор таким кошачьим зрением похвастаться не мог. Он то и дело цеплялся за веточки, задевал носком кеда выступающие корни, наступал на крупные камушки и оттого злился еще сильнее. Наконец мужик нашел подходящее место – могилку, около которой расположились кованый столик и три стула. На столике стоял керосиновый ручной фонарь. Судя по датам на надгробии, погребению было лет сто пятьдесят.

– Давно ты видишь души? – Указатель смахнул желтые листья со стула и уселся.

Вик решил постоять.

– С десяти.

– Десять лет, значит. А ты везунчик! И все это время притворялся, что никаких душ рядом нет?

– Может, представитесь для начала?!

Мужчина достал из кармана куртки коробок, чиркнул спичкой и поджег фонарь. Неровное пламя осветило его лицо и кисти в шрамах.

– Меня зовут Денис Зашеин, я – Указатель на официальной службе.

– И что вам от меня надо?

– Спасти тебе жизнь. – Зашеин откинулся на спинку стула. – А теперь отвечай на вопрос.

Виктор почувствовал, как в груди угольками начинает печь ненависть. Все Указатели одинаковые: надменные, наглые, бесцеремонные. И все они прикрываются желанием якобы спасти жизнь, а на самом деле затащить в свои ряды, вырваться из которых можно только одним способом – умереть. Во всяком случае, так говорил дед.

– От чего вы меня спасать собрались? Я похож на человека в беде? – вместо ответа процедил Вик.

– Ты похож на щенка, который не понимает, на кого и зачем лает. – Понаблюдав за тем, как краснеют щеки Виктора, Указатель продолжил: – Знаешь, почему видящие не доживают и до двенадцати, если не присоединяются к Организации? Их сводят с ума души, что преследуют их. Или убивают переродки, потому что найти видящего очень просто – он всегда окружен призраками. Я же предлагаю тебе защиту и обучение: ты получишь иммунитет, научишься управлять своим даром, сможешь помогать тем, кто заблудился на пути в мир иной, и спасать людей от тех, кому нужен не Указатель, а пинок под монстрячий зад. Твой дар будет приносить пользу людям! А потом, когда отслужишь положенные два года, сможешь уйти. Если захочешь.

Зашеин искренне верил в то, что говорил. Вик видел, каким воодушевлением блестели его глаза. Слышал, как тон из пренебрежительного изменился до уверенного, гордого.

– И сколько я проживу? Вы же просто пушечное мясо! Никто не хочет быть с такими рядом, даже просто общаться не хотят, потому что это опасно! – Вик устал стоять, но садиться за один стол с Указателем не хотел.

Сесть означало пойти на компромисс, прислушаться к его словам, поверить. Виктор верить не хотел.

– Сколько повезет. – Зашеин пожал плечами, будто не считал свою жизнь чем-то более важным, чем количество уничтоженных чудовищ. – Ну, или после обучения можешь откупиться, есть же взносы, чтобы не служить. – Негромкий с хрипотцой голос зазвучал презрительно, выдавая отношение к подобной возможности.

Виктор переступил с ноги на ногу. Кажется, о взносах он что-то слышал, в основном что они были огромными. Неподъемно огромными. Штрафы за сокрытие дара были куда меньше – зачем делать их большими, если возможности видящего сами по себе наказание?

– И кстати, – Указатель потер подбородок, – ты же в курсе, что подвергаешь своих близких опасности? Ты раскрыл дар, но защиту не получил.

– Бред.

Зашеин вскинул брови, как бы говоря: «Ну давай, просвети же меня!», и это разозлило Вика еще больше.

– Откуда вы вообще обо мне узнали? – запальчиво спросил он, понимая, что этот вопрос должен был прозвучать куда раньше всех прочих.

– Видел тебя в парке с той девчонкой, которая избавилась от переродка.

– А почему вы пошли за мной, а не за ней?!

Зашеин достал из кармана куртки синюю корочку и положил на стол. В свете фонаря сверкнула золотым надпись «Студенческий билет». Виктор понял, что выронил документ в парке, когда Гриша отбросил его в кусты. Протянув руку, он забрал пропажу и спрятал в задний карман джинсов. Указатель не мешал.

– Девчонкой я займусь чуть позже. Пока у нее проблем нет, хотя мне и интересно проверить парочку теорий на этот счет…

– А у меня, значит, есть? – огрызнулся Вик. Ему до чертиков надоело стоять на темном кладбище с этим неприятным типом.

– Есть, – невозмутимо подтвердил Зашеин. – Поэтому предлагаю тебе присоединиться к нам и пройти обучение.

Виктор молча окинул его взглядом, а потом развернулся и направился прочь, хотя и весьма приблизительно представлял обратный путь до калитки. Едва он покинул теплый круг света от фонаря, Зашеин его окликнул:

– Эй, видящий!

Вик оглянулся. Указатель достал из внутреннего кармана куртки предмет, тускло блеснувший бронзовым, положил на стол. Тот самый знак видящего? Говорили, он концентрирует собственную силу видящих, чтобы защитить от внимания душ, пока дар не раскроется… Какие-то там волны, излучения, поля – Виктор в этом ничего не понимал, да и не хотел понимать.

– Возьми, пригодится.

– Обойдусь, – фыркнул Вик и больше не оборачивался.

* * *

Денис достал из внутреннего кармана пачку сигарет, вытряхнул одну, прикурил. Огонек вспыхнул рыжим, к запаху сухой опавшей листвы и холодного камня примешались табачные нотки.

Он любил кладбища. Тихие, наполненные только шорохами ветра, щебетом птиц. Умиротворяющие. Здесь не было живых, а значит и мертвых, как бы парадоксально это ни звучало. Тела – да, тела были, а вот души кладбища не жаловали, здесь он Виктору не соврал.

– Глупый мальчишка, – не сдержавшись, пробормотал Денис.

Стоило бы, наверное, сообщить в Управление о видящем самому, потому что о безумии и опасности он тоже не врал. Запас у Виктора имелся – от пары дней до недели с момента раскрытия дара, и время уже шло. Пацан еще хорошо держался – ни физических, ни психических проявлений, ни душ вокруг. Хотя последнее, скорее всего, потому, что в университете ошивался тот странный призрак; Денис подозревал, что он отпугивает других. Им и его розоволосой подружкой тоже стоило заняться. Но сообщать ли в Управление и о них?

Некоторые коллеги Дениса считали, что каждый видящий должен быть обнаружен, поставлен на учет и обязан отдать долг родине – прослужить два года в рядах Указателей. Денис скорее не поддерживал подобную позицию. Он, твердо уверенный в том, что дар не проклятие, а благословение, допускал, что кто-то может ставить свои благо и безопасность выше служения обществу. Подобный эгоизм не заслуживал одобрения, но понимания – вполне, главное, чтобы видящего обучили и он не приманивал к себе души и монстров. И с этим у девчонки как раз никаких проблем не было, более того – она умела кое-что из арсенала настоящих Указателей! Денис не забыл, как она положила руки на спину переродка, помогая своему приятелю-призраку ее прикончить.

Указателю необходимо касаться монстра, чтобы его убить.

Поэтому все Указатели носили шрамы. Поэтому жили так мало.

Нет, сообщать о них рано, лучше узнать побольше. Денис затушил фонарь, потом сигарету, но выкидывать бычок не стал, поднялся и направился к метро, раздумывая, как познакомиться со странной парочкой и не напугать их внезапным вниманием.

Над его головой тихо вздыхали клены и тополя, готовясь к долгому зимнему сну.

Глава 5

«Мне сегодня к первой, а тебе?»

«У меня пары в другом корпусе», – набрала Женя в ответ и убрала телефон. Она чувствовала себя виноватой, в который раз отказывая Виктору во встрече, но что поделать, если они правда в другом здании, на три остановки метро дальше? Если ей нужно готовиться к семинару и делать лабораторную работу, если свободное время есть только в субботу. Он все-таки тоже учится, должен понимать, что это не какие-то прихоти и капризы, а необходимость!

Вагон ехал полупустым, единственный попутчик находился на другом его конце, стоял, прислонившись к двери и уткнувшись в телефон, и Женя могла не стесняясь разговаривать с Гришей. Он сидел рядом, положив руки на колени, и его длинные тонкие пальцы слегка подрагивали, словно хотели, но не могли прикоснуться к чему-то.

– Напой, – прошептала Женя, но Гриша в ответ страдальчески скривил губы.

– Не могу, – произнес он, – не могу…

Женя взяла его за руку и сжала. Кисть пронзило холодом и болью, словно она опустила ее в прорубь, но Женя только стала дышать глубже и медленнее, чтобы выдержать как можно дольше. Гриша грустно улыбнулся и аккуратно высвободился.

– Спасибо.

Это был их ритуал – если у него не получалось напеть пришедшую в голову мелодию, она брала его за руку, успокаивая. Он помнил, когда это случилось в первый раз, так же хорошо, как свою смерть.

Ноябрьский ветер гнал по подмерзшему асфальту сухие бурые листья, бросал в лицо мелкую снежную крупу, острые льдинки. Они с Женей шли из музыкальной школы, и, глядя на ее смешную розовую шапочку с помпоном, Гриша впервые с рокового дня почувствовал, как кончики пальцев потеплели и в голове зародилась… нет, не мелодия, и даже не ее эхо, а эхо эха. Чувство пронзило его и даже заставило замереть, Женя успела пройти несколько шагов, прежде чем заметила это и оглянулась. Гриша же едва дышал, если можно так сказать о существе, что лишено жизни, он пытался уловить ту тонкую нить, что приведет его к первой за несколько десятилетий мелодии, но она ускользала. Касалась кончиков его пальцев, дразнила, но не давалась, и в груди начала нарастать злость. Хорошо знакомая злость. От нее кисти вытягивались в когтистые лапы, руки чернели, а во рту становилось тесно от клыков… Гриша не хотел, чтобы Женя видела его таким; она ведь совсем маленькая, невинная, и напугать ее, тем более нав…

– Напой, – тихий голос и мягкое касание ладошки разбили черный лед, пытавшийся захватить его сердце.

– Напеть?

– У тебя пальцы задрожали, будто ты хочешь коснуться пианино и сыграть что-то, но если не можешь сыграть, то можешь спеть.

Мелодия растворилась в стылом воздухе, пропахшем опадом и пылью, но Гриша больше не чувствовал раздирающей, болезненной злости.

– Спасибо, – искренне произнес он и первым пошел вперед. – Пойдем домой, замерзла ведь.

– Нет!

– А вот и да! У тебя нос красный!

Тогда Жене было одиннадцать, а сейчас – восемнадцать. Из девочки она превратилась в девушку, а он навсегда останется четырнадцатилетним подростком. Монстром, обреченным сдерживать ярость, чтобы не навредить ей. Грише захотелось уйти, исчезнуть, но он посмотрел в ясные серые глаза, слишком серьезные для ее возраста, и понял, что не сможет.

Не сможет бросить Женю.

И не сможет отказаться от ее тепла.

С той поры прошло семь лет, но для него ничего не изменилось: он все еще был с ней, не мог отвернуться, не мог уйти.

Не хотел уходить.

* * *

Утром Виктор понял – что-то не так. Таким разбитым он не просыпался ни разу: казалось, ему раздробили, а после небрежно склеили каждую косточку. Сначала он решил, что причина – затянувшееся до половины пятого прохождение игры, а вставать-то к первой паре! Душ не взбодрил, не помогла и кружка кофе. Вик понадеялся на прохладный осенний воздух, но и тут его ждал провал: градусник показывал плюс тринадцать, но ощущал Вик не свежесть, а кокон из плотного, теплого воздуха, словно он с температурой лежал под тремя пуховыми одеялами и они давили на него весом и духотой.

Легче стало только тогда, когда Виктор увидел душу. Он как раз дошел до перекрестка и остановился, ожидая, когда загорится зеленый. Душа находилась немного правее, замерла на краю дороги, не решаясь ее перейти. Седые волосы закрывал темно-синий платок, вязаная кофта в тон прятала худое старческое тело, а из-под бордовой юбки выглядывали тощие щиколотки с темными пятнышками на коже. Вик лишь мазнул по ней краем взгляда и снова посмотрел на светофор. Таймер обратного отсчета показывал пятьдесят шесть секунд. Пятьдесят пять. Пятьдесят четыре. На пятьдесят третьей секунде Вик услышал удар, хруст, быстро оборвавшийся крик и не смог удержаться от того, чтобы посмотреть в сторону души. Она снова стояла на краю дороги, растерянно оглядывалась, не понимая, что произошло.

Фантом. Так и будет постоянно перебегать дорогу, повторяя последние минуты своей жизни.

Светофор пиликнул, загорелся зеленый, и Виктор, стараясь выглядеть как можно более рассеянно, пошел вперед, но на середине пешеходного перехода его догнал оклик:

– Студентик, рыженький! Студентик!

Кричала сбитая бабка, и Вик лишь чудом не оглянулся – других людей вокруг не было, тем более студентов, и уж конечно рыжих. Фантом видел его. Более того – обратился к нему! А теперь что? Идет за ним?! Очень захотелось обернуться и проверить, но Виктор сдержался, даже шаг не ускорил, чтобы не показывать душе, что он ее слышит и боится.

А он боялся! Страх сжал внутренности так, что кофе кислой волной поднялся прямо к горлу. «Нет, – решил Вик, – в метро нельзя, поеду трамваем!» Бывали дни, когда души встречались чаще обычного, он не знал, от чего это зависит, да и зависит ли, но лучшим решением в такие моменты было избегать подземки. Люди там умирали сплошь и рядом: самоубийства, чрезвычайные происшествия, глупые и банальные случайности – а умерев, иногда оставались. Как-то раз прямо на глазах Виктора женщине стало плохо с сердцем, она осела на стертые до серости плиты пола, а ее душа поднялась рядом… В трамваях подобное случалось куда реже.

Виктор шлепнул проездным по терминалу, стараясь не смотреть на стоявшую рядом женщину, и сразу же ушел в самый конец вагона, сел в углу и уткнулся в телефон. Сначала скроллил ленту, потом зашел в мессенджер, проверил чат группы и написал Жене. Хотел просто завязать беседу, но она явно не желала продолжать общение – Вик же не предлагал ей встретиться, просто поделился тем, что занятия с самого утра и одному ехать не хочется. А она как отрезала: «У меня пары в другом корпусе». Виктор потер скулу и закрыл диалог; значит, ей не нужны такие друзья, как он. Что ему, навязываться, что ли?

Из-за того что Вик выбрал трамвай, до вуза пришлось бежать, чтобы успеть к началу пар. Вместо трех станций метро он проехал семь остановок трамвая, а потом еще десять минут

шел пешком до самого универа. В итоге Виктор буквально влетел в двери, а там его впервые с понедельника остановила охрана, пришлось притормозить, чтобы показать студенческий. Когда он раскрыл его, из книжицы вылетела визитка. На темно-синем кусочке плотного картона белым значилось: «Зашеин Денис Игоревич», а ниже «Федеральная служба Указателей» и номер мобильного телефона. Вик поднял карточку и побежал дальше, сжимая ее в руке. Первая мысль – кинуть эту макулатуру в ближайшую мусорку – быстро сменилась другой: о том, как кричала бабка-фантом на перекрестке. Торопиться не стоило. Вик сунул визитку в карман, решив, что избавиться от нее он всегда успеет.

Первые две пары пролетели быстро и, можно сказать, легко. Омрачало их только накатывающее временами «одеяльное» удушье да сердце, срывающееся в галоп, чтобы через пару минут успокоиться. В такие моменты Вик сомневался: не сходить ли ему в медкабинет, но, когда отпускало, отметал эту идею. «Не позавтракал нормально дома, вот и плющит теперь», – решил он, поэтому, когда на третьей паре-окне Андрей, Оля и с ними еще несколько человек собрались сначала перекусить, а уж потом идти в другой корпус на четвертую, Вик охотно к ним присоединился.

Дорога между корпусами занимала минут двадцать, а по пути располагалось немало кафешек – веганская, с авторскими десертами, пекарня и шавермочная, в которой владелец сам же и работал. Чуть дальше находился детский сад. Виктору очень нравилось его здание – старое, красивое, с лепниной и другими украшательствами, названия которых Вик не знал. Каждый раз, когда он проходил мимо него, то задумывался, каково это – есть манку и запеканку, уходить на дневной сон в такой красоте?

Обычно студенты выбирали шаверму, но в этот раз заведение оказалось закрыто, а возле него топталась душа. Какой-то грязный оборванец в замызганном пиджаке, с кровавым пятном на спине и разбитым лбом, кровь с которого стекала на дряблые, заросшие щетиной щеки.

– Эй, рыжий! Але, к тебе обращаюсь, пацан!

Тревога, отпустившая было Виктора, распустилась в груди гигантским ледяным цветком, острыми гранями оцарапала ребра. Стало больно дышать, и Вик порадовался, что он не один. Это придало ему сил, удержало на тонкой грани, шагнув за которую, он рухнул бы в пропасть панической атаки, или как называется состояние, когда ужас попросту стирает сознание?.. И все-таки, что же это такое?! Раньше души его не замечали! Он их – да, но не они его! Неужели все-таки прав Указатель?!

– Вик? Идешь? – Оля потянула его за руку, переплетя пальцы. – В пекарню, заодно и кофе возьмем!

Он позволил утянуть себя в пекарню и даже оплатил Оле ее заказ, но мысли крутились вокруг души. Тоже фантом, наверное, раз не пошел за ним… Задумавшись, Вик едва не столкнулся с девочкой, что шла, вцепившись в темную юбку матери, и шарахнулся в сторону, нечаянно толкнув Олю.

– Ты чего?!

– Так ребенок же! – отозвался Вик и оглянулся.

Девочка все так же пружинисто шагала рядом с мамой, белобрысые косички упруго подскакивали, качалось белое платьице. Она напевала песенку про гусят на лужке, а когда допела куплет, то подняла лицо к маме и требовательно дернула за юбку, но та не отреагировала. Виктор заметил, что одежда у женщины не просто темная – черная, а голову укрывает косынка.

– Какой еще ребенок, Коскинен? – раздраженно фыркнула Оля. – Ты что-то совсем странный сделался, заболел?

Какой-то мужчина едва вильнул, обходя девочку так, словно и не давал себе в этом отчета, и ледяной цветок в груди Вика смял легкие, разорвал сердце. «Я даже не понял, что увидел душу!» Вик огляделся – Оля топталась рядом, Андрей и другие ушли вперед, девочка и женщина скрылись за углом, но по улице шли люди. Они живые? Настоящие? Вдруг вот этот

дедок, в шляпе и с газетой под мышкой, давно мертв? А может, вот эта ярко накрашенная девица в мини? Или…

«Стоп! – приказал себе Виктор. – Дыши. Спокойно. Дыши». Нормально дышать не получалось, цветок панического ужаса все еще ворочался в груди, но хотя бы чуть сомкнул лепестки.

– Знаешь, да, наверное. Ты иди, я и правда плохо себя чувствую!

Оля вскинула брови, развернулась на каблуках и быстрым шагом нагнала остальных, а Виктор торопливо, едва не срываясь на бег, пошел в обратном направлении. На его репутации «нормального» человека явно появилось пятно, но с этим он разберется позже, а сейчас просто необходимо поговорить с кем-то, кому можно доверять. И пусть Вик решил не писать Жене, чтобы не навязываться, – ситуация изменилась. Визитка Указателя жгла бедро, но Виктор оставил ее на самый крайний случай – Женя поймет, поможет, а этот Зашеин наверняка скажет что-то вроде: «Я же говорил!» самым насмешливым, надменным и назидательным тоном. Нет уж, Женя же как-то обходится без помощи Указателей, значит, и Вик сможет!

*** * ***

Женя достала из рюкзака текстовыделители, пристроила их рядом с тетрадью и как раз подтянула к себе распечатанные материалы к семинару, когда пришло сообщение.

– От Виктора, – произнес Гриша, мельком глянув на телефон.

Он сидел на подоконнике и любовался золотыми макушками берез на фоне яркого голубого неба.

Женя досадливо поморщилась. До начала пары оставалось всего пять минут, и она собиралась спокойно повторить тему, ни на что не отвлекаясь. Телефон завибрировал снова, а потом еще раз, и Женя все-таки отложила распечатки. Гриша тут же склонился над ее плечом, его холодное дыхание защекотало шею и ухо.

Я влип, весь день вижу души.

Женя тоже видела их весь день. С утра до ночи, начиная с шести лет. Что в этом особенного?

Они говорят со мной. Постоянно.

А вот это уже странно: фантомы и призраки никогда не заговаривали с ней, если она не начинала первая, не показывала, что видит их. Вроде как точно так же было и у Указателей, но правды Женя не знала, лишь слухи.

Я не могу отличить живого человека от души!

Она оглянулась на Гришу, тот нахмурился, перечитал сообщение, хмыкнул. С таким они еще не сталкивались; чаще всего души сохраняли увечья и травмы, из-за которых лишились жизни, по ним легко было отличить призрака или фантома от обычного человека. Вряд ли девушка с огнестрельным в висок окажется живой, верно? Но, помимо этого, Женя еще и *чувствовала*, кто перед ней, буквально кожей, как касание ветра, или ожог от кипятка, или удар чем-то. Чутье осечек не давало.

Не сдержавшись, она страдальчески свела брови – семинар отменялся, Виктору действительно требовалась помощь. Женя быстро покидала в рюкзак ручки, текстовыделители, материалы, что ранее так аккуратно разложила на парте, встала и на ходу набрала сообщение:

Ты где?

А когда подняла голову, то увидела в дверях аудитории удивленного преподавателя.

– Вы куда это, Скворцова?!

Женя втянула голову в плечи, чувствуя, как жгутся взгляды одногруппников, и под аккомпанемент звонка пробормотала:

– Простите, срочные дела.

Вслед за ушами запылали щеки, и, не дожидаясь комментариев преподавателя, Женя протиснулась мимо него и побежала по коридору, придерживая рюкзак. Так стыдно ей не было с тех пор, как мама нашла у нее стянутый из магазина «Киндер». А вдруг ко всему прочему у нее возникнут проблемы с сессией после такого вопиющего нарушения дисциплины?! Но о том, чтобы вернуться, и речи не шло: бросать Виктора один на один с его проблемой она не собиралась. Ведь тогда, в парке, он не бросил ее, отвлек переродившуюся, рискнул жизнью и раскрыл свой дар, а значит, в том, с чем он сейчас столкнулся, есть и ее вина.

Гриша тенью скользил рядом, ничего не говоря, и Женя была ему благодарна. Он не одобрял общения с Виктором, но все равно оставался с ней, поддерживая. В груди словно вспыхнуло маленькое солнышко, Женя осторожно нашла ладонь друга и переплела с ним пальцы. Бледные, синеватые губы Гриши тронула легкая улыбка, он чуть повернулся к ней, и в его глазах, обрамленных длинными черными ресницами, отразился тот свет, что грел Женю изнутри.

Они вместе спустились по крыльцу в пустой университетский двор: пары уже начались, а оба охранника сидели на посту, и все вокруг – стволы берез и тополей, дома за росчерками ограды, серый асфальт и высокое небо – казалось резким, нарисованным. Шелестела аудиодорожкой с помехами, как в старом мультфильме, листва, и, если бы не теплый воздух с осенней горчинкой и холод Гришиных пальцев, Женя бы решила, что спит.

В кармане завибрировал телефон, и пришлось разомкнуть ладони, чтобы достать его и посмотреть на точку геолокации, которую прислал Виктор.

– Далековато… – Гриша прищурился.

Женя кивнула. Три трамвайных остановки.

Место, где ждал Вик, они заметили издалека, а почувствовали за несколько десятков метров. Солнечный свет с каждым шагом становился все белее, выцветая от золотистого до бледно-лимонного; температура падала – чудные сентябрьские плюс двадцать один никак не могли вызывать облачка пара при дыхании; запах раскопанной земли, плесени и тления вытеснил аромат живого города: еды, духов, машин, бархатцев, рыжевших на клумбах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.